

* * *

Возвращаясь, домой
с корзинами, полными ягод,
мы с маленькой дочкой
вышли на безлюдную дорогу.
Угловатые тучи,
Нависшие над лесной кромкой у горизонта
приобретали злые пророческие очертания.
Из лесу доносились тревожные крики зверей
случайные, и сливающиеся в долгий протяжный зов.
– Здесь волки, –
говорили об этих местах.
Вечернее солнце пугало близостью темноты.
И вдруг на заброшенной дороге
показалась машина, сверкнувшая
отраженным в стекле закатом.
– Это «Форд», – сказала дочь.
– Это судьба, – ответила я...

Волков бояться –
замуж не выходить

* * *

В борьбе женщины с временем
Побеждает время.

В борьбе времени с любовью
Побеждает любовь.

* * *

В мою душу,
замерзшую на русском Севере,
капни несколько строк о горячем солнце,
которое согревало тебя
недалеко от Флоренции
и раскрашивало твои сны в цвета
итальянского неба.
Выпей за меня, вечно простуженную,
несколько глотков тосканского вина
и передай привет той, кто протянет тебе бокал
уже безразличным жестом.

Уехавшим поэтам

У вас оскудеет словарный запас
скоро,
и вы не найдете в положенный час
слово,
и вам не откроется святость молитв
наших,
а грянет гряда ливней злых, неродных,
страшных.
Скорее домой, дуралеи, из стран
топких.
Спасение здесь и прощение здесь
только.
И нам одиноко без ваших сердец
резвых,
там ваши могилы народ обойдет
резво.

* * *

Мой город, здесь мне будут рады
Две с половиною души,
Мой город, где страшны фасады,
Но подворотни
Хороши.

Мой город,
Где старик Державин
Не стих читает –
приговор,
Под монументом его ржавым
Собаки созывают сбор.

Мой город без души и правил,
Уничтожая сад камней,
На набережной понаставил
ваянья «окаянных дней».

Я больше не пойду на пристань,
продажным любоваться им.
Мой город, как он ненавистен,
а, может, более любим...

* * *

Гоголь назвал Русь птицей-тройкой,
И она умчалась в неведомые дали
Со своих равнин.

Эмигранты назвали Россию кораблем
И она уплыла в неведомые дали
от своих берегов.

Коммунисты назвали СССР
Космическим спутником,
И он улетел в неведомые дали
С родных небес.

Как же назвать оставленную землю,
Чтобы она не потеряла себя?

* * *

Я хочу быть твоей окружающей средой,
быть воздухом твоим и теплом.
Я хочу, чтобы ты изучал меня,
как питьевую воду,
наслаждался моей свежестью
и берёг
от вредных промышленных загрязнений.
– Что за пара! – скажут удивленные туристы.
– Экологически чистая! – ответим.

Снега

К чему алмазы на перстах,
Когда у ног твоих алмазы
На все цвета и вкусы сразу,
Граненные на небесах.

Как безупречна их игра
В снегу у краешка дороги
И на ветвях в лесном чертоге
На льду у зимнего костра.

Идешь по утренней земле,
И свет искрящийся повсюду.
Прикосновение ли к чуду,
Дарованное в феврале?

Счастливей невозможно быть,
Владея этой красотой...
Над тишиной и суетою
Снег и судьбу
благодарить.

* * *

Уезжают русские красавицы –
наши женщины – лучшие в мире,
Уезжают русские ученые –
наши мозги – лучшие в мире.
Уезжают русские художники –
наше искусство – лучшее в мире.
И только русские чиновники
никуда не уезжают –
их могут терпеть только в России.

Вере Рыжовой

Великою тайной владеет художница Вера,
Ей за девяносто – идем, не спеша по мосту,
Пред ней изумленно стихают балтийские ветры,
И, благословляя, глядят на ее красоту.

Художнице Вере подвластно пространство и время –
Не каждой богине такое подстать волшебство –
В глазах ее словно в безоблачном небе апреля
Пленительный свет и восторг, и любви торжество.

Художница Вера, позвольте побыть с Вами вместе,
Готовить палитру для росписи чашек и ваз,
Пусть первая скрипка играет Вам из поднебесья,
Смычком направляя о юности Вашей рассказ.

Жалоба прорицательницы

Я знала, однажды Гольфстрим
Возьмет направление к нашим границам,
И что полуостров Крым оставит Россию,
Как осенью птицы,
Что села в Тайланде
смочет прочь,
Комета взорвется в созвездии Гончих...
Но я не знала, что моя взрослая дочь
Уйдет от меня сегодня ночью.

Сигтуна

Эти древние руны
Мне брошены были как вызов
В переулках Сигтуны
На развалинах старых камней...

Разжигается печь,
И художница пробует струны,
И рождается песнь
Как рисунок из ярких огней.

А дорога домой
Никогда не бывает короткой –
Нас преследует шторм,
Но вокруг чередой острова –

Наш охранный кортеж,
Наши ангелы над белой лодкой,
Словно графика рун,
Словно песни прощальной слова.

* * *

В камин подброшены поленья
Готова банька, чай согрет...
Ну что ещё для вдохновенья
Тебе хотелось бы, поэт?

С оленем повстречаться взглядом,
Остановиться на мосту
Над белой властью водопада,
Взрывающего высоту,

Чтоб капельки прохладной пены
Стекали радостно с ресниц...
– Вот где рождение Вселенной, –
Вдруг убедиться, глядя вниз,

Поверить в совершенство мира
Под светом северной звезды,
Когда над вечностью и мигом
Пророчество звучит –
воды.

Новгородскому вече

Эй, колокол, зови меня на вече,
Коль право голоса мне вечностью дано,
И у меня еще сохранено
ушкуйников разбойничье наречье.

Что помешает мне переместиться
на полтысячелетия назад –
то на Восток мы едем, то на Запад,
а с прошлым, как известно, нет границы.

И я скажу:
– Держитесь крепче, братцы,
начните жизнь веселую дружной,
чтобы Москве сюда не подобраться,
садитесь, воеводы, на коней.

И от грядущего разора и разврата,
Описывать который не берусь,
Храните братцы, Северную Русь,
Начните песню заново, ребята.

* * *

Полувременный, полукондовый,
Тот, что был пролетарски прост,
Над бурлящим кольцом Садовым
Разобрали сегодня мост.

Путь попроще и покороче
Под землю, но согласись –
Как прекрасно московской ночью
Воспарять по ступенькам ввысь,
Строя странствий далеких планы...
И в грядущее посвящена,
Рядом с нами кружилась плавно
Молодая совсем луна.

Приближались к нам сны и звезды,
Удалялись гудки машин,
Были замыслы столь серьезны –
Покоренья любых вершин.

А теперь дождь и вечер серый,
Хмарь, но ты меня не огорчай,
Приглашаю тебя на Север,
Позови меня хоть на чай.

* * *

Дети, вы больше не увидите солнца,
Спускающегося после обеда
К западу от улицы Свердлова,
Потому что некто под именем Моцарта
Хочет смотреть на солнце из своих окон.

Кто же осмелится жить в доме,
Возникшем, словно ядерный гриб,
На площадке детского сада?
О, скажите, кто не убоится проклятья
Раздавленных бульдозером игрушек?

Дети, вы не увидите солнца,
Потому что мы боимся разбивать стекла
у тех, кто под именем Моцарта
Любуется закатами из своих окон
В доме к западу от улицы Свердлова.

Ангел

Трофейный ангел на моем рояле,
подаренный мне старенькой связисткой
на память, что победно штурмовали
бойцы квартал, к рейхстагу самый близкий.

Оплаченный немислимой ценою –
судьбой своей и маленького сына,
ей ангел был наградой одною,
другой – медаль «За взятие Берлина».

По вечерам любуюсь на него я,
на маленькое чудо фронтовое –
курчавая головка, славный носик –
красив, но только счастья не приносит.

И нет в душе той радости, что ждали –
трофеи не приносят людям счастья.
И сдан Берлин, и проданы медали...
Мой ангел, тебе надо возвращаться.

Но кто ж вернет нам наших серафимов? –
Старинные иконы и оклады
я вижу всюду в антикварных лавках
но счастья нет у немцев и у финнов...

Я маме неподвижной
чай с медом и бисквит
несу, и вдруг я вижу –
она сама сидит!
Не вымолвить ни слова,
не чудится ли мне?
впрямь всадница Брюллова
на озорном коне.

сказали:

– Ей не встать.

А вижу стан высокий

И северную статью.

Два санитаря с матом

внесли ее домой –

ту, что солдат когда-то

в больнице фронтовой

аж на себе носила,

не требуя оплат.

Есть подлость, вместо силы

у нынешних ребят.

В такой мороз суровый,

когда на душах лёд,

ты победила снова,

как в сорок пятый год.

Бывшему мужу

У тебя есть молодая жена,

Такая молодая,

Что тебе завидуют

друзья.

У меня есть старая мама,

Такая старая,

Что мне завидует

Бог.

ПЕРЕВОДЫ

Сантери МЯКЕЛЯ

(1870–1937)

(перевод с финского)

* * *

Играй, мой смычок,
Рвись, мои струны,
танцуйте, живей, мои пальцы
чтоб задрожали стаканы, и над ними
возвысился дух.
Заставь, моя скрипка, и столы танцевать,
Раз государство торгует вином!

Закипай, шампанское,
залей небесную твердь
и погаси мерцающий блеск звезд...
Раз государство торгует вином!

Пей, презренный человек,
все равно когда-нибудь умирать...
Пей, презренный, от души...
Раз и церковь торгует вином!